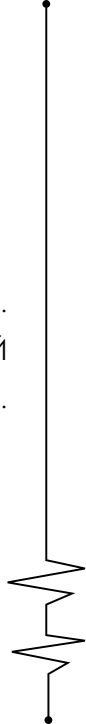
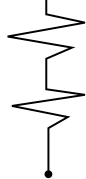

ОНИ САМИ — ПАРАЛЛЕЛИ.
КОТОРЫЕ ПЕРЕСЕКЛИСЬ ПО ЧИСТОЙ
СЛУЧАЙНОСТИ.

ХАННА КИМ

ЦЕФЕИДЫ.
КАССИОПЕЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К40

Иллюстрация на обложке — *_artnikita_*

Серийное оформление — *Екатерина Климова*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Ким, Ханна.

К40 Цефеиды. Кассиопея : [роман] / Ханна Ким. — Москва : Издательство АСТ, 2022. — 320 с. — (Хиты молодежной прозы).

ISBN 978-5-17-150063-4

Если Вселенная бесконечна, какова вероятность, что в разных ее уголках существуют похожие миры? Возможно, в одном из них ты счастлив и живешь той жизнью, о которой всегда мечтал, без сожалений, с уверенностью в собственном будущем. Быть может, там даже небо другого цвета, а звезды складываются в неизвестные созвездия, и лишь одно из них тебе знакомо.

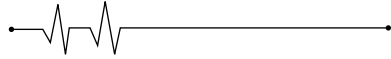
Мингю никогда не задумывался о том, какой могла бы быть его жизнь, родился он в другое время или в другом мире. Он уверен, что для него итог всегда будет один. Вселенная считает иначе, когда дает ему шанс прикоснуться к другой реальности. По ту сторону зеркала небо действительно непривычного цвета — сиреневое. Но там нет самых близких друзей, а единственный, кто может помочь, — соседский ребенок, который в этом мире старше на десять лет.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

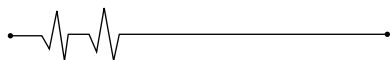
ISBN 978-5-17-150063-4

© Ким Х., 2022
© ООО «Издательство «АСТ», 2022

ПЛЕЙЛИСТ

Nothing But Thieves	—	Neon Brother
Ty Dolla Sign & Future feat. Kiiara	—	Darkside
Five Finger Death Punch	—	Cold
Jaymes Young	—	Feel Something
Poets Of The Fall	—	Standstill
Ruelle	—	Live Like Legends
Thirty Seconds To Mars	—	Rescue Me
My Darkest Days	—	Come Undone
RAIGN	—	Wicked Games
Poets Of The Fall	—	Carnival Of Rust
Billie Eilish, Khalid	—	Lovely
PVRIS	—	You And I

— В общем, как-то так.

Санхён прокручивает на указательном пальце кольцо со звенящими на нем ключами и лениво надует пузырь из жвачки. Мингю отстраненно вслушивается в шарканье подошвы чужой обуви и перехватывает ручку дорожного чемодана другой рукой, не имея ни малейшего понятия о том, что вообще думать и как быть. Думать, стоит отметить, нужно в срочном порядке, причем рационально и трезво, а не как обычно, но мозги шевелиться отказываются, попросту застыв мертвой неподвижной массой в его голове.

— Спасибо, — нехотя давит из себя Мингю — не потому, что благодарить не за что, а потому, что не привык получать помощь из ниоткуда. Честно говоря, Санхён мало чего общего имеет с этим противоречивым «ниоткуда» — просто он привык рассыпаться в своей бесценной помощи направо и налево. Даже если не просили. Даже если Мингю четко и ясно дал понять, что подачки ему не нужны, что он вполне в состоянии самостоятельно справиться с беспросветной задницей, которая со смачным чавканьем зажевала его, даже кольца с рук не выплюнув потом, будто рыбы кости.

— На том и порешили. — Санхён подкидывает ключи в воздух, ловит и бросает их Мингю, но того природа ловкостью не одарила — приходится наклоняться и слушать хруст поясницы. — Можешь оставаться здесь столько, сколько считаешь нужным. С родителями я уже поговорил.

— Спасибо, — во второй раз жует Мингю слово это непривычное, но даже не пытается его распробовать — отплевывается скорее и думает, что ну вот как так уго-раздило.

В маленьком дворе, спрятанном за железным забором, который выкрашен темно-зеленой краской, потрескавшейся еще лет десять назад, нет ничего, кроме чахлого деревца, пары ящиков и старой скамейки почти у самого входа в одноэтажный домик. С навеса над крыльцом срываются тяжелые капли после ночного дождя, собираясь в лужу на бетонном выступе. Мингю переступает с ноги на ногу, слушая хлюпанье влажной земли под кедами, и так нестерпимо хочет развернуться и просто уйти, что сил никаких нет. Но он не уходит — взглядом пересчитывает зубы дареного коня, подмечая кариес тут и там.

Санхён поднимает ногу и смотрит на грязь на подошве, а затем с невозмутимым видом ступает в редкую траву возле забора и вытирает о нее ноги. Мингю наблюдает за ним с некой обреченностью. Все еще хочет сбежать и позволить внезапно ставшим неприветливыми улицам Сеула проглотить себя. Может, в желудке мегаполиса не так уж и плохо. И не нужно обременять себя чужой добротой, стоящей поперек горла.

— Ты давай только это, не начинай, — жует жвачку Санхён, — гордость штука многогранная и не то чтобы плохая, но сейчас она для тебя — непозволительная роскошь.

— Дело не в гордости, — сердито обрывает его Мингю.

Ответом ему служит усталый вздох, а следом скрип калитки. Санхён оборачивается перед тем, как уйти:

— Съемщики всегда оставляли после себя бардак и кучу ненужных вещей, которые с годами накопились, поэтому не удивляйся горам хлама.

Он бросает Мингю наедине с грязным двором, покосившимся домиком и тлеющим внутри желанием быть проглоченным улицами Сеула. Улицы отвечают ему протяжным ревом мотоцикла где-то невдалеке, грозно прерывая им стук дождевых капель, по-прежнему тяжело срывающихся с карниза над крыльцом. На небольшой грязевой луже возле одной из ножек скамейки вздувается и сразу же лопаются пузырь. Дареный конь улыбается полусгнившими зубами и нетерпеливо взмахивает хвостом, а Мингю понимает, что все-таки будет проглочен, но отнюдь не мегаполисом, что блещит окнами многоэтажек, а задворками Синчхона, где один косой дом на другом, а из-за забора проглядывает чужое белье, сохнущее на солнце. Удивительно, как такие трущобы гармонично вписались в самый центр столицы.

Он вздыхает глубоко, делает шаг в сторону крыльца и показательно и с размаху наступает в лужу на выступе. Щелкает дверным замком.

Пять лет назад жизнь была другой совсем. Пять лет назад сам Мингю был другим: улыбался как-то теплее, шире, охотнее, не хотел пропасть на улицах уже давно знакомого, хоть и не родного города, смотрел вперед с надеждой глупой такой, но беспощадной к ссадинам на коленях, которые он разбивал всегда, когда падал. Надежда беспощадная и милосердная одновременно. Огоньком внутри горящая. Теперь же ссадины на коленях не затягиваются, а плечи оттягивает вес пяти прошедших лет, которые раньше легкими были и воздушными. Которые были будущим, прошитым мечтами.

А потом приходится бросить учебу на четвертом курсе, потому что бабушке диагностируют рак последней стадии. Мингю свою бабушку всегда очень любил, она была всей его семьей, заменила ему родителей, которых не стало, еще когда он в садик ходил. Вот так раз — и не стало. А следом за ними и бабушки самой.

Мингю один остался. И одиночество это легло на голову колючим венцом.

А теперь что? А теперь двадцать пять уже, незаконченное высшее образование грузом прошедшего времени, пятое по счету увольнение за последние пару лет и отсутствие средств к существованию. Теперь вот приходится на горло своим принципам наступать и принимать помощь от друга детства, с которым когда-то вместе в садик по соседству ходил. Мингю честно пытался, правда. Съехал со съемной квартиры сразу же, как оплаченный месяц истек, кантовался в дешевых гошивонах¹ на последние деньги, попутно искал другую работу, но попытки сломанные вещи заново склеить — занятие такое себе. Вот и Мингю не клеился, хоть и не вещью был, а очень даже живым человеком. Вроде. По первости точно.

У Санхёна глаз наметанный, зоркий такой, Санхён раскусил его сразу почти, к стенке буквально припер, обвинил в ненужной глупости, заставил чемодан застегнуть и ехать сюда, на Синчхон. Мингю поехал — смотреть дареному коню в гнилые зубы и радоваться тому, что хоть такие есть. Может, потом на стоматолога ему заработает.

Внутри дом выглядит куда лучше, чем снаружи, но приступ облегчения Мингю пока не ловит — обходит сначала две небольшие комнаты с кроватью и рабочим столом в одной из них, разглядывает крохотную, но вполне уютную кухню, изучает ванную, находит стиральную машинку рядом с кладовкой и все-таки успокаивается. Садится в кресло в гостиной, устало вытягивает ноги и смотрит в потолок, на котором черным разрезает белое трещина.

¹ Гошивон — маленькие жилые помещения, пользующиеся популярностью у бедного слоя населения, рабочих-мигрантов и студентов. Обычно размер комнаты не превышает 4 м², кухня и ванная — общие для всего этажа (здесь и далее прим. авт.).

Санхён не преувеличил — хлама чужого действительно валяется много по углам. Спустя полчаса Мингю находит в шкафу ворох поношенной одежды, в кухонных шкафчиках — просроченные консервы и вскрытую полвека назад пачку кукурузных хлопьев, которые уже давно отсырели. Он бегает с веником и совком по всему дому не меньше четырех часов, сгребает в мусорные пакеты хлам непонятного назначения и проклиная свою чистоплотность, по которой так любил проезжаться танком с шуточками Тэён. Мингю именно Тэёна и вспоминает, когда смотрит на чьи-то штаны со смачными следами кетчупа. Странные ассоциации такие, надо сказать, но кого еще ему вспоминать, если именно Тэён с ехидной рожей всегда вытирает жирные после пиццы руки о свои джинсы. А иногда и о джинсы Мингю — просто чтобы позлить немного.

Своих вещей у Мингю мало совсем. Одежда занимает лишь две полки в шкафу, ноутбук находит свое место на рабочем столе, а любимая кружка — на кухне возле электрического чайника. Он долго заглядывает во все ящики подряд и ищет настольную лампу, уже представляя, как будет разворачивать ее плафоном в лицо Тэёну с вопросом «вымыл ли ты руки, свинота», но лампы нет нигде, хотя быть должна. И она находится — на самой верхней полке в кладовке, которая по размеру оказывается в половину кухни. Здесь бы даже можно было устроить атмосферный кабинет, если бы помещение не было до самого потолка завалено хламом, который сюда, судя по всему, сваливали несколько лет подряд. Первой мыслью становится вынести это все во двор, устроить ритуальный костер и подпалить облака, но Мингю только оглушительно чихает и спрыгивает вниз с зажатой в руках настольной лампой.

На выходе он больно запинается босой ногой обо что-то и чуть не падает, но вовремя хватается за косяк, прижимая к груди лампу, чтобы не дай бог не уронить.

Негодующий мат мгновенно заполняет полупустые комнаты.

Растирая свободной рукой ушибленный палец, Мингю смотрит на что-то большое и прямоугольное, прислоненное к стене у выхода. За плотной темно-серой тканью, напоминающей старую штору, было не разобрать, обо что Мингю только что чуть не убил в мясо мизинец. Он ставит лампу на пол, хватается обеими руками за тяжелую ткань и рывком сдергивает ее.

А потом глядит на свое отражение во весь рост, вздрогнув в первую секунду от неожиданности. Делает шаг вперед, лицо приближает и всматривается в рисунок радужки своих глаз. Как будто там можно прочитать совет, что делать со своей никчемной жизнью дальше. Он смахивает со щеки выпавшую ресницу и закатывает глаза в ответ своим мыслям.

Снаружи громко скрипит, а после хлопает калитка. Мингю выпрямляется. Кого там еще нелегкая принесла? Соседей?

— Хён¹? Ты дома?

Лучше бы соседей.

Внутрь кладовки заглядывает Чонхо; его волосы сильно взъерошены из-за ветра на улице. Он шмыгает носом и улыбается:

— Ты чего тут делаешь?

— Это ты чего тут делаешь? Кто адрес дал? Санхён? — ворчит Мингю, поднимая с пола лампу.

— Ага. Я кимпап² принес, — Чонхо достает из-за спины шуршащий пакет, — мама передала.

Мингю вздыхает и проходит мимо него в сторону спальни. Ставит лампу на стол, подключает к розетке, упорно делает вид, что один в доме. Чонхо стоит чуть

¹ Хён — обращение в корейском языке к старшему брату или другому старшему парню среди мужчин.

² Ким па п — популярное блюдо корейской кухни, представляет собой роллы с начинкой из ветчины, омлета, овощей и пр.

позади и перекачивается с пятки на носок, с интересом наблюдая за каждым его действием.

— Домашку бы лучше делал, мелкий, — бросает Мингю, не оборачиваясь.

— Я уже сделал, — довольно оповещают его, а он снова вздыхает, чувствуя себя старым и больным человеком, которому покоя даже в гробу не дадут.

Нет, Мингю к Чонхо относится очень хорошо, но этот ребенок порой бывает непозволительно надоедливым — вот как сейчас. Хотя даже его надоедливость не то чтобы Мингю так уж сильно раздражает, но именно сегодня как никогда хочется просто побыть наедине с собой и попытаться разложить по полочкам все, что осталось от его жизни.

Чонхо было восемь, когда мама привела его к Мингю, живущему по соседству, и чуть ли не со слезами на глазах попросила присмотреть за сыном. Мингю тогда только на второй курс перешел, а занятия часов до четырех длились — он понятия не имел, откуда соседка узнала, что вечера он чаще всего проводит дома, но все-таки как-то узнала. Отказать у него духа не хватило — слишком потерянно выглядела женщина, сжимавшая руку ничего не понимающего сына.

— Я медсестра, — объясняла она, — и сегодня меня вызвали на ночное дежурство. За сыном некому присмотреть. Его бабушка переехала в пригород и...

— Ладно, — прервал ее Мингю, не сумев скрыть легкого раздражения в голосе, — но только сегодня.

Сегодня плавно перекатилось в завтра, а потом в следующую неделю, и в итоге Чонхо бывал у него дома чаще, чем у себя. Сам Мингю такому раскладу первое время был совсем не рад, но довольно быстро привык к этому любознательному карапузу со смешной улыбкой и перестал испытывать дискомфорт в его присутствии.

Большую часть времени Чонхо валялся где-то на полу и делал домашнее задание в школу, ничем Мингю не мешая, но иногда начинал носиться по всей его крохотной квартире и вопить, что хочет мороженого/сходить в «Лотте Ворлд»¹/поиграть в компьютерные игры/нужное вставить, и если сначала Мингю шикал на него недовольно и грозился выставить за дверь, то спустя месяц молча доставал из морозилки мороженое и затыкал им Чонхо рот, а однажды потратил выходной на то, что водил мелкого в тот самый «Лотте Ворлд». Одним словом, обзавелся младшим братом, о котором никогда не просил. Переезжал потом не раз, но от брата непрощенного отвязаться так и не смог уже.

— Шел бы ты домой. — Мингю берет из чужих рук пакет.

— Мама опять на дежурстве в ночь.

— А тебе уже не восемь, чтобы бояться одному дома оставаться, — усмехается он и треплет Чонхо по волосам.

— Ну хватит, — отмахивается тот.

Чонхо уже двенадцать, он учится лучше всех своих сверстников, обыгрывает Мингю во все игры, но все равно на голову ниже него. А еще он раздражается, когда с ним обращаются как с маленьким. Мило же.

— Мама сказала, чтобы я заносил тебе поесть, — семенит он следом за Мингю на кухню, — а то ты так с голоду помрешь.

Мингю замирает с кимпапом руках, сжимает слегка фольгу, в которую тот обернут, и бросает быстрый взгляд на Чонхо. Мельком совсем, не хочет долго смотреть на его взволнованное лицо, не нужно ему беспокойство чужое через себя пропускать, ни к чему оно ему. Ни к чему, но он все равно его получает. Вот только

¹ Парк развлечений в Сеуле.

встает оно комом в горле, и сглатывать совсем не получается.

Он молча жует кимпап и краем уха слушает чужое восторженное щебетание — на лабораторной по биологии Чонхо поставили в пару с самой красивой девочкой в классе. Мингю иногда прерывается, чтобы отхлебнуть воды из стакана, и жует все медленнее, с беззвучным внутренним вздохом думая о том, что сам не прочь опять стать школьником и быть счастливым от какой-нибудь ерунды вроде красивых одноклассниц.

Но одноклассницы уже все замуж вышли давно и детей нарожали, а Мингю сидит на крохотной кухне чужого дома, ест приготовленный не его мамой кимпап и слушает двенадцатилетнего мальчишку, который не его брат. У кого-то за плечами блестяще оконченный университет, карьера в двух шагах от своего пика, брак и, может, даже развод. А у Мингю только друг детства Санхён со старыми домами на задворках Синчхона, голосистый школьник Чонхо, чья мама вкусно готовит, да бывший одноклассник Тэён с ворохом неуместных шуточек и порой абсурдным поведением. Мингю просто король этого мира, не иначе.

— Ух ты! — слышит он чужой восторженный возглас со стороны кладовки, когда моет кружку в раковине.

— Что такое?

— Ты вообще видел это зеркало? — кричит ему Чонхо. — Иди сюда!

— Да видел я его, — ворчит Мингю, ставя кружку в сушилку, но все равно идет на знакомый голос. — Хватит копаться в чужом хламе, лучше пойдем фильм посмотрим, если ты все еще не собираешься домой топать.

Чонхо мотает головой и продолжает с ярким восхищением в глазах ощупывать деревянную раму зеркала, об которое Мингю часом ранее чуть не убил свой ни в чем не повинный мизинец. Он выдыхает шумно и цо-